

В деревне Шицзя, общине Сюйцо в уезде Сянфу, во дворе фермерского дома, женщина с седыми волосами и сутулым телом была занята тем, что загоняла цыплят во дворе в курятник.

Ей было меньше сорока лет, но трудности и лишения ее прежней жизни в качестве рабыни сделали ее похожей на шестидесятилетнюю старуху.

За всю свою жизнь она родила много детей, но все они либо умерли молодыми, либо были проданы владельцем, и большинству из них не удалось остаться рядом с ней.

Дэн Чжу, единственный сын, который остался и вырос рядом с ней, тоже недавно погиб в бою.

Первоначально этот последний удар жизни заставил ее почти оцепенеть.

Один прожитый день - это не более чем еще один день, в жизни больше нет ничего, чего стоило бы ожидать с нетерпением, и не будет больше никакого просвета до самого конца этих темных дней.

Женщина подняла свои затуманенные влагой глаза и посмотрела на падающие с неба снежинки.

Этой зимой выпало много снега, но на данный момент она носила толстую мантию с хлопчатобумажной подкладкой и жила в большом доме, защищенном от ветра и дождя. На очаге варилась большая кастрюля супа из старой курицы.

"Крестная мать, все твои дети голодны, и они ждут вкусной еды, приготовленной крестной матерью."

"Крестная мать, мы вернулись, Лю Хоуэр умирает с голоду, если у тебя есть что-нибудь вкусненькое, дай сначала мне кусочек."

"Крестная мать."

"Крестная мать."

С приближением Нового Года военные казармы были распущены на отдых, и несколько молодых людей, у которых не было семей, все вместе поселились в доме Ян Шэна.

Они несли дрова, которые только что нарубили в горах, и держали в руках пойманных фазанов и снежных кроликов.

Шумно и весело сын возвращается домой.

Прежде чем войти во двор, он всегда громко кричал, зовя ее.

Дэн Чжунян вытерла слезы, выступившие в уголках ее глаз, и взяла себя в руки.

В этой суеде и суматохе, горе в ее сердце постепенно утихало, и кажется, постепенно, жизнь могла продолжаться дальше.

В Хаоцзине, императорской столице, оккупированной Цюаньжунами.

Чжан Фу сидел перед жаровней и при свете свечи листал письма, которые держал в руках, страницу за страницей.

Он был очень осторожен. Даже если важные вещи были написаны зашифрованным текстом, как только он прочитывал их и запоминал наизусть, он все равно немедленно сжигал их в жаровне.

Там была также очень тонкая и маленькая записка, он держал ее между пальцами, слегка потирая. На бумаге элегантными и знакомыми символами были записаны следующие строки: "Все ради благополучия и процветания подданных, но важна только безопасность подданных и их осмотрительность при любых действиях, помни это! Помни это!"

Чжан Фу прочитал эти несколько символов несколько раз, после чего бросил их в жаровню с углями.

Пламя вспыхнуло в жаровне с углями, постепенно сжигая страницу с записанным на ней сообщением, заботливо доставленным сюда из Бяньчжоу.

Это маленькое пламя принесло прилив тепла тому, кто был одинок в опасности.

Тот молоденький юноша лежал на столе рядом с ним, и он случайно заснул после того, как так усердно работал в течение нескольких дней.

Чжан Фу встал и накинул на Сяо Сю что-то из одежды.

Он поднял голову и посмотрел на снежинки, падающие за окном.

Снег в этом году был необычайно обильным.

Казалось, что белый снег способен скрыть все уродливые вещи в мире.

Когда весной следующего года снег тает, возможно, откроется совершенно новый и непохожий на другие мир.

Во дворе Сишань, окрестности Бяньчжоу.

Чэн Цянье выпила немного вина и почувствовала себя немного бодрее. Она сидела на краю крыльца в другом дворе на парчовом коврике, который принесла ей Би Юнь, прислонившись к столбу крыльца с чашкой горячего крепкого чая в руках.

С неба падал мелкий снег.

В запущенном саду.

Группа мужчин сидела вокруг костра на снегу. Они жарили оленину, чокались кубками и весело пили.

Чэн Фэн встал, взял у Сяо Цю большой кувшин вина и поставил перед ней тарелку с жареной олениной.

Время от времени Юй Дуньсу чокался кубками с Чэн Фэном или поворачивался боком, чтобы вполголоса поболтать с Сяо Цзином.

Хэлань Чжэнь немного перепил и заставлял Мо Цяошэна громко разговаривать, время от времени от души смеясь.

Мо Цяошэн говорил очень мало, но выражение его лица было очень расслабленным, в уголках рта играла едва заметная улыбка, и время от времени он поднимал глаза, чтобы посмотреть на Чэн Цянье.

"На что ты смотришь, Цяньюй?"

Яо Тяньсян подошла к Чэн Цянье и села рядом с ней.

"Идет снег."

Чэн Цянье протянула руку из-под крытого коридора, следуя за падающими с неба снежинками.

"Интересно, изменится ли мир в следующем году, когда снег растает? Можно ли будет что-нибудь немного изменить?"

"Цяньюй, возможно, ты не заметил.

Многое здесь уже изменилось благодаря тебе."

Яо Тяньсян взяла Чэн Цянье за руку и положила голову ей на плечо: "Когда я впервые приехала в Бяньчжоу, когда я подъехала к Западной Горе, дорога все еще была полна разрушений, и я почти никого не видела.

Теперь, поднимаясь на гору, сколько еще домов ты можешь увидеть? Из труб домов, встречавшихся по пути, шел дым, и большинство детей и стариков были в одежде, прикрывающей их тела. Это намного лучше, чем раньше. Этот год выдался удачным. Я верю, что в следующем году жизнь простых людей здесь будет становиться только лучше и лучше, и все больше и больше людей будут селиться здесь.

Не говоря уже ни о чем другом, просто посмотрите на Цяошэна, когда я впервые увидела его, он был в конюшне, он был рабом, который не мог поднять голову. А теперь, когда ты снова смотришь на него, он не только уверенно поднимает голову, но даже сияет."

Чэн Цянье взглянула на людей во дворе.

Хэлань Чжэнь, не зная, что сказать, одной рукой сдавил шею Мо Цяошэна, а другой взъерошил его волосы, громко смеясь.

Лицо Мо Цяошэна покраснело, и он поднял глаза, чтобы посмотреть на Чэн Цянье.

"Нет, не только из-за меня." – мягко сказала Чэн Цянье: "Чтобы добиться этого небольшого изменения сегодня, каждый из них делал все возможное, чтобы усердно работать. Ради этих перемен бесчисленное множество людей упорно трудились, проливали кровь и даже умирали. В этот момент все еще есть люди, которые идут на опасность в одиночку и углубляются в тыл врага, просто для того, чтобы достичь цели, которой все ожидают."

Чэн Цянье повернулась, чтобы взглянуть на сияющее лицо Яо Тяньсян: "Даже ты, Тяньсян, которая могла бы наслаждаться своей жизнью с комфортом, недавно открыла женскую школу, чтобы предоставить тем женщинам, у которых никогда не было возможности учиться, обучиться чтению и письму и многому другому, чтобы дать им возможность приобрести необходимые жизненные навыки."

Яо Тяньсян сказала с улыбкой: "Это потому, что ты подарил нам надежду. Как только у людей появляется надежда, они не будут чувствовать горечь или усталость, делая что-либо."

"Я всегда чувствовала, что мы, женщины, не должны рождаться простыми подчиненными мужчин. Но раньше у меня не было возможности бороться и сопротивляться. Теперь я чувствую, что могу сделать немного для себя и для остальных женщин в мире."

Итак, я должна хорошенько отблагодарить тебя."

Яо Тяньсян усмехнулась, ее глаза заблестели.

Она подняла свою нефритово-белую ладонь и приложила ее к уху Чэн Цянье: "То, о чем я упоминала в прошлый раз, я приготовила для тебя, оно совершенно новое, и сейчас оно в твоей карете. Ты можешь попробовать это на обратном пути. Я гарантирую, что он так сильно расплатится, что не сможет выйти из кареты."

Чэн Цянье подтолкнула ее локтем, не зная, смеяться ей или плакать: "Тяньсян, не создавай проблем, мы с ним еще не достигли этой точки. Более того, мы не сможем дойти до этого шага, если кое-кто не будет осторожен, так что ты мне прикажешь делать?"

Яо Тяньсян надулась: "Но сегодня вечером он выпил так много вина из оленьей крови! Если не уделить ему должного внимания, разве он не окажется в жалком положении?"

"Вино из оленьей крови?" - Чэн Цянье была немного озадачена: "Разве это не просто что-то, чтобы взбодрить внутреннюю энергию и прогнать холод?"

Яо Тяньсян посмотрела на Чэн Цянье с выражением, с каким смотрят на умственно отсталого человека.

Чэн Цянье пришла в себя и с горечью щелкнула ее пальцем по лбу.

"Ой-ой-ой."

Яо Тяньсян прикрыла лоб ладонью: "Даже если вы не пойдете сегодня до конца, это не

помешает тебе немного поиздеваться над ним."

На пути вниз с горы.

Сидя в экипаже, Мо Цяошэн без всякой причины почувствовал легкое беспокойство.

Господин сидел недалеко от него, а на столе под его рукой стояла квадратная шкатулка, украшенная резьбой и инкрустированная нефритом.

Господин казался немного рассеянным и слегка сжимал пальцами крышку шкатулки, время от времени на его лице появлялись какие-то необъяснимые улыбки.

Глядя на лицо господина перед собой, который время от времени качал головой и посмеивался, Мо Цяошэн почувствовал, что в его теле необъяснимым образом разгорается огонь. Что еще хуже, огонь становился все более и более интенсивным, и постепенно он стал похож на пожар в степи.

Чэн Цянье щелкнула замком шкатулки, желая тихонько приподнять ее, чтобы заглянуть внутрь.

Внезапно она вспомнила, что прошептала ей на ухо Яо Тяньсян.

"Всего три слоя, первый слой предназначен для передней части, второй слой..."

Чэн Цянье с грохотом плотно захлопнула шкатулку.

Мо Цяошэн, казалось, был смущен ею, он встал с покрасневшим лицом: "Мой господин, я, я отлучусь на некоторое время."

Только тогда Чэн Цянье пришла в себя и потянула назад покрасневшего Мо Цяошэна.

Она посмотрела на сбитого с толку мужчину, стоявшего перед ней, и обнаружила, что определенная часть его тела отреагировала весьма явным образом.

"Как ты умудряешься справляться с этим?"

Мо Цяошэн покраснел, не смея встретиться с ней взглядом.

Чэн Цянье дотронулась до своего носа, и ее лицо тоже слегка покраснело.

Но, глядя на этого человека, который был в сто раз стеснительнее ее, у нее не было другого выбора, кроме как проявить инициативу.

Она взяла Мо Цяошэна за руку и медленно позволила ему сесть рядом с ней.

Протянув руку, чтобы нежно коснуться его разгоряченного лица, она спросила:

"Цяошэн, я тебе нравлюсь?"

Мо Цяошэн смущенно отвернулся и кивнул.

Только это отняло у него много усилий.

"Есть некоторые вещи, о которых я не могу сказать тебе прямо сейчас."

Чэн Цянье выпрямилась, нежно взяла Мо Цяошэна за подбородок и поцеловала его в губы.

"Но если ты ничего не можешь с этим поделать, я могу осчастливить тебя раньше."

Она крепче сжала руку, которая пыталась сопротивляться.

"Не бойся, я не сделаю ничего, что могло бы поставить тебя в неловкое положение. Я просто хочу, чтобы тебе было хорошо."

Мо Цяошэн позволил господину повалить себя на пол.

Он наблюдал, как господин наклонился к нему, слегка приоткрыл губы и прошептал ему на ухо: "Если ты не хочешь, ты все равно можешь отказаться сейчас."

Он не знал, откуда у него взялась смелость, но неожиданно он протянул руку, обнял господина за шею и, слегка дрожа, впервые проявил инициативу, чтобы поцеловать те красные губы, о которых мечтал каждую ночь.

Чэн Цянье сжала его руки и прижала к полу, демонстрируя захватывающее дух выражение лица в ночи, с улыбкой, которая не была улыбкой.

"Нет, главный здесь я."

Карета медленно проехала большое расстояние в безмолвной снежной ночи.

Спустившись с горы Сишань, карета миновала ее и въехала в город Бяньчжоу, наконец, остановившись у ворот дворца.

Глядя на неподвижную дверцу кареты, Би Юнь почувствовала себя немного смущенной, поэтому ей пришлось тихо спросить: "Мой господин, мы подъехали к воротам дворца."

Спустя долгое время из кареты донесся сухой голос Чэн Цянье: "Прогуляйтесь по кругу еще раз пешком."

Лицо Би Юнь мгновенно покраснело, и она жестом велела стражникам следовать за ней, развернувшись и обойти дворцовую стену.

Сяо Цю не понимала, что происходит, и хотела спросить.

Би Юнь прикрыла рот рукой и прошептала: "Не спрашивай, пойдем, не останавливайся, даже если господин не издаст ни звука."

<http://tl.rulate.ru/book/51810/2880546>